

Пролог

Почти столетие насчитывает история клана Вентор. Его представители, в основном нормандского происхождения и очень состоятельные, заботились о чистоте крови и редко заключали браки с выходцами из других семейных кланов. И Матильда Вентор не была исключением. В возрасте пятнадцати лет ее выдали замуж за кузена, третьего герцога Уорнема, и она начала рожать детей с такой регулярностью, что все только диву давались.

Так бы все и продолжалось многие годы, если бы герцог, известный своими верноподданническими убеждениями, вдруг не удивил всех, изменив своему королю. С ростом волнений среди подданных король Яков II оказался на грани свержения, тем более что протестанты не успокаивались с самой его коронации. Венторы тоже были протестантами, и, оценив ситуацию, герцог, как, впрочем, и многие другие представители состоятельных семейств, решил примкнуть к оппозиции — побеждающей стороне.

Уорнему было что защищать. Владения его клана были едва ли не самыми обширными в Англии, но герцог был последним мужчиной в роду: Матильда, к сожалению, рожала только дочерей (к тому времени их было уже шесть, все очень хорошенькие, но совершенно «беспользные»). Уорнему нужен был сын и твердая почва под ногами.

Убедившись в правильности своего решения, Уорнем выступил во главе местной оппозиции в поддержку Вильгельма Оранского, и, поднявшись с войском на усыпанный листвою холм (стоял холодный ноябрьский день 1688 года), он, к собственной радости, увидел развеваящееся на ветру протестантское знамя. Стоявшие под знаменем знатные Сторонники Вильгельма встретили Уорнема приветственными криками и призывами присоединиться. Герцог, воодушевленный такой радушной встречей, прищипорил коня, но не заметил лисью нору у подножия поросшего травой склона. На полном скаку конь попал в яму, кувыркнулся и сбросил седока. Герцог ударился головой о землю, сломал шею и тут же испустил дух.

Восстание закончилось, едва начавшись. Вильгельм Оранский легко одержал победу, Яков II бежал во Францию, а через девять месяцев Матильда родила близнецов — на сей раз крепких, здоровых мальчиков. При этом никто не осмелился отметить, что внешне крошки совсем друг на друга не походили: один, розовый пухлый ангелочек, был миниатюрной копией матери, а рожденный вторым — большеголовое длинноногое создание с копной золотистых волос, совершенно непохожее на своего покойного отца.

Венценосная чета решила, что детишек следует взять ко двору, и сам король объявил их обоих точной копией герцога Уорема. Никто не посмел возражать ему.

Разумеется, мальчику, рожденному первым, достался титул герцога, а второму, в знак признания храбрости его отца, Вильгельм пообещал должность полководца пожизненно с правом передачи ее всем будущим на-

следникам. Таким образом, согласно семейному

4 преданию, и была определена судьба рода.

Мальчик, что стоял сейчас посреди огромной библиотеки Уорнемов, прекрасно знал эту историю: она через сто с лишним лет стала уже не просто барьером, разделявшим семью, а непреодолимой черной пропастью.

— Подними голову, разверни плечи! — скомандовала герцогиня и обошла его вокруг, словно оценивая произведение скульптора, простучав тонкими каблуками по мраморному полу.

Мальчик с трудом проглотил подкативший к горлу комок, борясь с тошнотой, опасаясь обгадить туфли герцогини. Ужасная пятимильная утренняя поездка в разбитой крестьянской повозке была жутким мучением.

Герцогиня тем временем наклонилась и вдруг резко ударила его в живот. Мальчик от неожиданности охнул, согнувшись, но тут же выпрямился, насколько это было в его силах, и послушно опустил взгляд.

— Ну что ж, вроде бы достаточно крепкий, — объявила герцогиня, обернувшись к мужу. — Не заморыш, не грязнуля, к тому же покорный и, главное, не смуглый.

— Да, — скупое согласился герцог. — Слава богу, он вылитый майор Вентор — те же длинные ноги и золотистые волосы.

— Будь честен с самим собой: разве у нас есть выбор, Уорнем? — пробормотала герцогиня, повернувшись спиной к пожилой женщине, которая привела мальчика. — Думаю, нам следует помнить о долге каждого христианина. Простите, конечно, миссис Готфрид.

Последние слова были беспечно брошены через плечо, но та, кому они предназначались,

не обратила на них никакого внимания, пристально рассматривая герцога.

— Долг христианина! — повторил герцог, и на его красивом лице отразилась смесь эмоций: и сомнение, и отвращение. — Почему о долге христианина всегда вспоминают тогда, когда сталкиваются с какими-то проблемами?

— Ты, конечно же, прав, — покорно проговорила герцогиня, чопорно сложив перед собой руки, — но в ребенке есть твоя кровь.

— Едва ли! — резко возразил герцог, которому, по-видимому, показалось обидным такое предположение. — Он не может оставаться здесь, Ливия. Нельзя, чтобы такие дети учились вместе с Сирилом. Что скажут люди?

— Нет-нет, мой дорогой, конечно, нет, — торопливо проговорила герцогиня, пытаясь успокоить мужа. — Разумеется, этого не будет.

— Ваша светлость, — взмолилась миссис Готфрид, с трудом поднявшись на своих изуродованных артритом ногах, и тут же опять присела, — будьте снисходительны. Отец этого мальчика сражался за Англию и пал смертью героя. У Габриела никого больше нет.

— Никого? — резко повторила герцогиня, бросив еще один презрительный взгляд через плечо. — Вот как! Разве у вас, миссис Готфрид, нет родственников в Англии?

— Кровных нет, ваша светлость. — Пожилая женщина обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, перед тем как выложить свой единственный козырь. — Конечно, его можно отдать в какую-нибудь еврейскую семью: и она примет и вырастит Габриела как собственного ребенка, но действительно ли вы хотите этого?

— Господи! Конечно, нет! — Уорнем, элегантный мужчина, еще молодой и сильный, резко поднялся с кресла и принялся ходить по комнате. — Будь проклят этот Вентор, поставивший нас в такое безвыходное положение, Ливия! Если он собирался заключить неподходящий брак, то, ей-богу, не имел права участвовать в военных действиях и рисковать своей жизнью даже ради короля. Таково мое мнение.

— Совершенно верно, дорогой, — проворковала герцогиня. — Но сейчас не время сетовать. Герцог мертв, и с ребенком нужно что-то делать.

— Да, но он не может оставаться здесь, в Селсдон-Корте, — снова заявил герцог. — Мы должны думать о Сириле. Что скажут люди?

— Что ты достойный христианин, — вкрадчиво подсказала жена и, немного помолчав, вдруг по-детски хлопнула в ладоши. — Уорнем, я придумала! Он будет жить во вдовьем доме. И миссис Готфрид сможет заботиться о нем. Мы пригласим того странного маленького викария... прости, забыла его имя.

— Нидлс, — буркнул герцог.

— Да-да, Нидлс, — повторила герцогиня, заботливо усаживая мужа в кресло. — Все не так страшно, дорогой. Он будет обучать ребенка. И ведь это только на время. Лет через десять мальчика уже можно отдать на службу. Он пойдет в армию, так же как его отец и дед.

— Вдовый дом, говоришь? — Герцог задумался. — Крыша протекает, полы прогнили, но, думаю, это не проблема — можно его отремонтировать.

Мальчик все так же стоял посреди комнаты, изо всех сил стараясь держаться прямо, чтобы не посрамить своего отца, тем более что эта встреча с герцогом была его единственной надеждой.

Он понимал, почему так плакала и молилась бабушка, перед тем как покинуть этим утром жалкую придорожную гостиницу. Наконец, подавив в себе гордость и нарастающий гнев, он расправил плечи и, заикаясь, спросил:

— Можно мне сказать, сэр?

Мертвая тишина воцарилась в комнате, когда герцог резко повернул голову в сторону мальчика, в первый раз внимательно на него посмотрел и в конце концов раздраженно бросил:

— Да, говори.

— Я... хотел бы стать солдатом, ваша светлость, и, как отец, сражаться против Наполеона. А до тех пор... обещаю, что не доставлю вам никаких неприятностей.

— Прямо никаких, да? — с усмешкой повторил герцог и посмотрел на него едва ли не с отвращением. — Но я почему-то в этом сомневаюсь.

— Совершенно верно: никаких неприятностей, сэр, — твердо повторил мальчик. — Обещаю.

Глава 1

Солнце светило вовсю в Финсбери. Габриел расставлял своих игрушечных деревянных животных на одеяле поверх благоухающей травы. Отец наклонился к нему и загорелой рукой взял одну из игрушек.

— Габи, как это называется?

— Фредерик, — коротко ответил мальчик, передвигнув на пустое место тигра.

— Нет, — рассмеялся отец, — как называется это животное?

— Слон, неужели не понятно? — фыркнул Габриел, посчитав вопрос глупым. — Ты же сам прислал его мне из Индии.

— Да, верно, — смущенно подтвердил отец.

— Уже к трем годам Габриел знал все животное царство, — напомнила леди Рут. — Навряд ли, Чарлз, ты можешь рассказать ему о животных что-то новое.

— Я так соскучился, дорогая. — Отец Габриела со вздохом откинулся на спинку скамейки и взял жену за руку. — И, боюсь, мне опять придется уехать.

— О, Чарлз, я не имела в виду... — Она торопливо достала из кармана носовой платок и откашлялась в него. — Прости. Это прозвучало бестактно, да?

— Любовь моя, как только я уеду, пожалуйста, займись своим кашлем, — озабоченно проговорил сэр Чарлз. — Габриел, напомнишь маме? Она должна непременно посетить доктора Козна.

— Да, папа. — Габриел взял из строя игрушек обезьянку и, протянув отцу, пояснил: — Это Генри. Он отправится с тобой в Индию и составит компанию, чтобы не было скучно.

— Спасибо, сын. — Положив обезьянку в карман форменной куртки, сэр Чарлз взъерошил мальчику волосы. — Я буду очень скучать. Скажи, вам с мамой хорошо здесь, с Зейде и Баббе?

Габриел кивнул, а леди Рут тихо сказала, положив руку на колено мужу:

— Лучше, Чарлз, чтобы так и оставалось, пока для нас все не решится. Правда. Ты не против?

— Разумеется, нет. Главное — чтобы вы не чувствовали себя несчастными.

Конторы «Невилл шиппинг», расположенные вдоль Уоппинг-Уолл, гудели как ульи. Вверх-вниз по лестницам сновали клерки, нагруженные документами: последними контрактами, накладными загрузки, страховыми полисами или чайными подносами. От удушливой августовской жары, стоявшей в Лондоне, не могли спасти даже распахнутые настежь окна, а утренний ветерок со стороны Темзы не приносил никакой свежести — только зловоние.

Мисс Ксантия Невилл стояла у своего рабочего стола, не обращая внимания ни на жуткую вонь, ни на громохание погрузочных тележек, ни на брань портовых грузчиков: за год в Уоппинге она ко всему уже привыкла. Вот бы еще справиться с этой проклятой бухгалтерией! В раздражении мисс Невилл бросила на стол карандаш и окликнула проходившего мимо клерка:

10 — Гарет?

Оказалось, что это не Гарет, а Сиддонс, и тогда она обратилась к нему:

— Где Ллойд? Он мне нужен немедленно.

Коротко кивнув, Сиддонс бросился назад, и через несколько секунд появился Гарет, загородив широкими плечами весь дверной проем в клетушке, которой он пользовался вместе с мисс Невилл.

— Спешка до добра не доводит, старушка, — заметил Гарет, внимательно присмотревшись к девушке. — Как насчет цифр, которые нужно добавить?

— Я еще не дошла до этого, — призналась Ксантия. — Не могу найти бумаги по согласованию «Истлиз воядж», чтобы внести необходимые данные.

Гарет не спеша пересек комнату и, подойдя к ее столу, вытащил договор из-под бухгалтерских документов. Мисс Невилл пожала плечами, не скрывая удивления.

Некоторое время Гарет молча смотрел на нее, потом спросил:

— Нервничаешь? Что же, вполне понятно. Завтра к этому времени ты уже будешь замужней дамой.

— До смерти боюсь, — призналась Ксантия, закрыла глаза и выразительно, как-то очень по-женски, прижала руку к животу. — Не замужества, нет: я безумно люблю Стивена, — а всей этой толпы, самой церемонии. Его брат пригласил кучу знакомых, а я пока никого из них не знаю, не могу отложить...

Гарет оперся рукой на спинку ее стула, не прикасаясь к ней (он поклялся, что никогда больше и пальцем не тронет Ксантию), и спокойно сказал:

— Ты должна была понимать, что этим кончится. И это не самое худшее. Когда ты станешь леди Нэш и в свете узнают, что ты даже в новом качестве продолжаешь трудиться, все очень удивятся...